ИСПЫТАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА И ИХ ВЗАИМНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Гаделшина Ландыш Адгамовна

Кандидат Экономических Наук, Доцент Кафедры Математических Методов и Информационных Технологий в Экономике, Казанский Федеральный Университет, Г.Казань

landysh.gadelshina@kpfu.ru

Рашидов Асилбек Фуркат угли

Студент 1 курса направления «Экономика» Филиала Казанского федерального университета в г. Джизак; студент 1 курса направления «Юриспруденция» Московского промышленного финансового университета; обладатель медали «Молодой исследователь» Международного конкурса стран СНГ; исследователь в области мировой экономики, международного права и дипломатии.

rashidovasilbek496@gmail.com

Аннотация: *В статье рассматривается комплекс мегатрендов, формирующих контуры финансовой нестабильности в XXI веке. Геополитическая фрагментация, рост суверенной и частной долговой нагрузки, усиление климатических рисков, технологические трансформации и нарастающие социальные дисбалансы создают взаимосвязанный спектр вызовов, оказывающих системное влияние на международную финансовую архитектуру. Автор анализирует механизмы формирования современных рисков, их перекрёстные эффекты и каналы распространения шоков, а также оценивает*

способность существующих институтов адаптироваться к многоканальным угрозам. Особое внимание уделяется тому, как сочетание политических, экономических, экологических и технологических факторов формирует новую конфигурацию глобальной финансовой системы. Работа предлагает аналитическую рамку для осмысления текущих процессов и подчёркивает необходимость комплексных международных решений для укрепления долгосрочной финансовой устойчивости.

Ключевые слова: *глобальная финансовая стабильность; геополитическая фрагментация; санкционные режимы; суверенный и корпоративный долг; климатические риски; энергетический переход; цифровые валюты; криптоактивы; киберугрозы; социальное неравенство; популизм; мегатренды XXI века; финансовая архитектура; системные риски; международная координация.*

THE STRESS TEST OF GLOBAL FINANCIAL STABILITY: FIVE MAJOR 21ST-CENTURY CHALLENGES AND THEIR INTERCONNECTED IMPACTS

Gadelshina Landysh Adgamovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Mathematical Methods and Information Technologies in Economics, Kazan Federal University, Kazan

landysh.gadelshina@kpfu.ru

Rashidov Asilbek Furqat ogli

1st-year Economics student at the Jizzakh Branch of Kazan Federal University;

1st-year Law student at the Moscow Industrial and Financial University;

recipient of the “Young Researcher” medal of the International CIS

Countries Competition;
researcher in the field of global economics, international law, and diplomacy.
rashidovasilbek496@gmail.com

Abstract: *This article examines a system of interconnected megatrends that define the landscape of global financial instability in the 21st century. Geopolitical fragmentation, the expansion of sovereign and corporate debt, escalating climate-related risks, rapid technological transformation, and deepening social inequalities together create a multidimensional set of challenges shaping the resilience of the international financial architecture. The analysis explores how these risks emerge, interact, and amplify one another, as well as the channels through which shocks propagate across markets and institutions. Special attention is paid to the capacity of existing global and national frameworks to adapt to multi-channel threats in an increasingly complex financial environment. The study offers an analytical framework for interpreting ongoing structural changes and highlights the need for coordinated international strategies aimed at strengthening long-term financial stability.*

Keywords: *global financial stability; geopolitical fragmentation; sanctions; sovereign and corporate debt; climate risks; energy transition; CBDC; cryptoassets; cyber threats; social inequality; populism; systemic risks; financial architecture; international coordination; 21st-century megatrends.*

L'ÉPREUVE DE LA STABILITÉ FINANCIÈRE MONDIALE : CINQ GRANDS DÉFIS DU XXIe SIÈCLE ET LEURS INTERACTIONS

Gadelshina Landysh Adgamovna
Candidate ès sciences économiques, Maître de conférences,
Département des Méthodes Mathématiques et des Technologies de l'Information en Économie, Université Fédérale de Kazan, Kazan
landysh.gadelshina@kpfu.ru
Rachidov Assilbek Fourkat ogli
Étudiant en 1re année du programme « Économie » de la filiale de l'Université fédérale de Kazan à Djizak;
étudiant en 1re année du programme « Droit » de l'Université industrielle et financière de Moscou;
lauréat de la médaille « Jeune Chercheur » du concours international des pays de la CEI;
chercheur dans les domaines de l'économie mondiale, du droit international et de la diplomatie.
rashidovasilbek496@gmail.com

Résumé: Cet article analyse un ensemble de mégatendances interdépendantes qui façonnent l'instabilité financière mondiale au XXIe siècle. La fragmentation géopolitique, l'accroissement de la dette souveraine et privée, l'intensification des risques climatiques, les transformations technologiques rapides ainsi que l'aggravation des inégalités sociales génèrent un spectre complexe de défis affectant l'architecture financière internationale. L'étude examine les mécanismes d'émergence de ces risques, leurs interactions et leurs effets de renforcement mutuel, ainsi que les canaux de transmission des chocs à travers les marchés et les institutions. Une attention particulière est accordée à la capacité des cadres institutionnels existants à s'adapter à des menaces multicanales dans un environnement économique de plus en plus fragmenté.

L'article propose un cadre analytique permettant d'interpréter ces évolutions structurelles et souligne la nécessité d'une coordination internationale afin de consolider la stabilité financière à long terme.

Mots-clés: stabilité financière mondiale ; fragmentation géopolitique ; régimes de sanctions ; dette souveraine et d'entreprise ; risques climatiques ; transition énergétique ; monnaies numériques de banque centrale (MNBC) ; crypto-actifs ; cybermenaces ; inégalités sociales ; populisme ; risques systémiques ; architecture financière ; coordination internationale ; mégatendances du XXIe siècle.

Введение

В начале XXI века вопрос о прочности международной финансовой архитектуры окончательно вышел за рамки академических дискуссий. Каждая новая волна турбулентности — от падений биржевых индексов до локальных долговых кризисов и сбоев платёжной инфраструктуры — показывает, что глобальная система функционирует в режиме постоянного стресс-теста. Главное отличие современных вызовов от кризисов второй половины XX века заключается в их многослойности: вместо отдельных шоков возникает совокупность долгосрочных мегатрендов, которые одновременно давят на устойчивость.

Оптимизм рубежа столетий основывался на вере в преимущества глобализации: свободное движение капитала, быстрый прогресс финансовых инноваций, укрепление независимости центральных банков. Казалось, что эти факторы обеспечат способность системы поглощать локальные сбои. Однако усложнение финансовых инструментов, ускорение передачи информации и наращивание взаимосвязанности сделали систему более уязвимой: локальные проблемы мгновенно приобретают глобальный масштаб.

Сегодня становится очевидно, что финансовую стабильность невозможно оценивать в отрыве от геополитики, климатической повестки, технологических преобразований и социальных напряжений. Геополитическое соперничество усиливает санкционное давление и приводит к фрагментации платёжных каналов. Рост частного и государственного долга делает экономики чувствительными к изменению стоимости заимствований. Климатические риски из категории долгосрочных прогнозов превращаются в прямые угрозы банковским портфелям. Цифровизация порождает новые уязвимости — от кибератак до панических настроений, мгновенно распространяющихся через онлайн-платформы. Социальное расслоение и недоверие к институтам создают политическую турбулентность и ограничивают пространство для ответственной экономической политики.

Все эти направления не просто существуют параллельно — они усиливают друг друга. Геополитические конфликты нарушают торговые цепочки и подталкивают инфляцию. Стремление правительств сгладить социальное напряжение через бюджетные программы увеличивает долговое бремя. Крупные инвестиции в энергопереход меняют структуру активов и создают новые риски для финансового сектора. Технологическая революция расширяет пространство системных угроз. Одно небольшое нарушение, возникшее в одном сегменте, может быстро трансформироваться в многофазный кризис.

Традиционные методы анализа финансовой стабильности — мониторинг макропоказателей, банковских балансов или отдельных рынков — оказываются недостаточными. Современные риски носят комплексный характер: регуляторы зачастую реагируют уже на последствия, а не на их формирование. Важнейший вопрос смещается к

тому, сможет ли система выдерживать многоканальные шоки, не переходя в режим хронической нестабильности.

Обзорная статья сосредоточена на пяти взаимосвязанных мегатрендах: геополитической фрагментации, росте долговой нагрузки, усложнении климатической повестки, технологических изменениях (CBDC, криптоактивы, киберриски) и социальном вызове, связанном с неравенством и падением доверия. Каждый из них важен сам по себе, но их комбинация создаёт качественно новую конфигурацию рисков.

Работа опирается на междисциплинарный подход: международная макроэкономика, финансовая теория, политическая экономика, исследования устойчивого развития. Такой подход необходим, поскольку источники нестабильности давно вышли за рамки чисто экономических закономерностей. Рассматриваются как механизмы распространения финансовых шоков, так и изменения в поведении государств, корпораций и домохозяйств.

Особое внимание уделено тому, что международная финансовая система больше не имеет единого центра стабилизации. Появление альтернативных расчётных платформ, рост роли национальных валют и региональных интеграций формируют многополюсную архитектуру. Она становится гибче, но одновременно сложнее для регулирования: последствия решений в одном узле сети могут неожиданно проявляться в другом.

Основная цель статьи — выявить логику взаимодействия выбранных мегатрендов и описать ключевые каналы их влияния на финансовую стабильность. Это позволяет рассматривать систему как единый организм, испытывающий комплексные нагрузки. Немаловажен

и вопрос о том, насколько существующие институты соответствуют новой структуре рисков и способны ли они адаптироваться.

Практическая значимость заключается в необходимости отхода от узкоспециализированных реакций. Санкции, долг, климат, цифровизация, социальные сдвиги — каждое направление требует собственной политики. Но попытки решать их раздельно порождают перекрёстные эффекты, которые усиливают уязвимость. Комплексный подход помогает выявить зоны, где локальные меры могут ослабить или усилить другие риски.

В конечном счёте работа поднимает вопрос о пределах адаптивности международной финансовой системы. Сможет ли она справиться с множественными вызовами в существующих институциональных рамках? Или миру придётся вырабатывать новые механизмы координации и распределения рисков? Однозначного ответа нет, но комплексный анализ даёт возможность по-новому взглянуть на архитектуру глобальной стабильности и очертить направления дальнейших исследований.

1. Геополитический вызов: фрагментация мировой экономики и санкционные режимы

Геополитика в XXI веке перестала быть лишь фоном для экономических процессов. Она всё теснее вплетается в ткань глобальных рынков, трансформируя маршруты торговли, схемы инвестирования и конфигурацию платёжной инфраструктуры. Любое серьёзное политическое решение крупных держав сегодня автоматически оборачивается финансовыми последствиями: от изменения курсов валют до перераспределения потоков капитала и ликвидности. В этих условиях

геополитический контур становится одним из определяющих факторов будущего мировой финансовой стабильности.

Характерная особенность текущего этапа заключается в том, что политические противоречия всё реже разрешаются в узко дипломатической плоскости. Всё чаще государства обращаются к экономическим и финансовым инструментам: тарифам, экспортным ограничениям, санкциям, контролю за трансграничными инвестициями и технологиями. Финансовая система, которая долгое время воспринималась как относительно нейтральный канал обслуживания мировой экономики, превращается в пространство, где пересекаются интересы безопасности, влияния и суверенитета.

Эволюция геополитической напряжённости в XXI веке

На рубеже тысячелетий сложилось впечатление, что глобализация постепенно “растворяет” традиционные геополитические конфликты. Расширение мирового рынка, углубление производственной кооперации, рост роли международных организаций создавали образ мира, где рациональные экономические интересы будут доминировать над силовой логикой.

Однако уже первые десятилетия XXI века обозначили иную траекторию. Ускоренный подъем новых экономических центров, различия в моделях развития, конкуренция за ресурсы и технологии привели к росту недоверия между крупными державами. Наряду с этим появился целый набор новых линий разлома: цифровой суверенитет, контроль над данными, регулирование высокотехнологичных отраслей, энергетическая безопасность, информационное пространство.

Нарастающая напряжённость стала проявляться не только в прямых конфликтах, но и в “ползучей” эскалации: пересмотре торговых

соглашений, точечном ограничении доступа к передовым технологиям, введении экспортного контроля в критичных отраслях, ужесточении фильтрации иностранных инвестиций. Финансовое измерение при этом оказалось естественным продолжением этих процессов: доступ к капиталу и платёжной инфраструктуре стал рассматриваться как часть более широкого стратегического инструментария.

Таким образом, по мере эволюции геополитической среды структура мировой финансовой системы всё теснее переплеталась с архитектурой политического соперничества. Это означало, что устойчивость финансовых рынков уже нельзя оценивать исключительно через призму макроэкономики; необходимо учитывать и динамику геополитических решений.

Воздействие санкций на международные финансовые потоки

Финансовые санкции в XXI веке превратились в один из центральных инструментов политического давления. Если ранее они были скорее дополнением к дипломатическим и торговым мерам, то теперь сами по себе стали важнейшим каналом влияния на поведение государств, корпораций и отдельных лиц.

Современные санкционные режимы включают широкий спектр мер: от заморозки активов и запрета на операции с ценными бумагами до ограничений по новым заимствованиям и отключения от ключевых платёжно-клиринговых систем. Для адресатов подобных решений это означает не только потерю конкретных финансовых инструментов, но и осложнение любых трансграничных операций в целом.

Международные финансовые потоки в таких условиях подвергаются серьёзной перенастройке. Классические маршруты движения капитала и платежей оказываются разорванными или

существенно затруднёнными. Банки вынуждены перераспределять корреспондентские связи, инвесторы — пересматривать набор доступных рынков и активов, корпорации — искать новые схемы расчётов и финансирования.

Помимо прямого эффекта, санкции создают зону повышенной неопределённости. Опасаясь нарушить сложные и постоянно меняющиеся режимы ограничений, финансовые институты предпочитают действовать с избыточным запасом осторожности. Это приводит к де-факто расширению круга “рисковых” контрагентов и юрисдикций, даже если формально они не подпадают под ограничения. В результате формируются “серые зоны” финансовой изоляции, где стоимость заимствований возрастает, а доступ к ликвидности и инфраструктуре существенно ухудшается.

Таким образом, санкции воздействуют на мировую финансовую систему не только как точечный инструмент, направленный против конкретных субъектов, но и как фактор структурной перестройки всей конфигурации международных потоков капитала и платежей.

Региональная фрагментация и формирование альтернативных платёжных систем

Ответом на рост санкционных рисков и политическую неопределённость стало усиление курсов на финансовый и платёжный суверенитет. В различных частях мира начали активно развиваться национальные и региональные платёжные системы, призванные снизить зависимость от доминирующих глобальных инфраструктур.

На внутреннем уровне это выразилось в создании собственных систем передачи финансовых сообщений и клиринга, которые позволяют обеспечивать функционирование банковского сектора даже при

ограниченном доступе к международным каналам. На внешнем уровне всё большее значение приобретают схемы расчётов в национальных валютах, многосторонние клиринговые механизмы и выпуск инструментов, ориентированных на обслуживanie региональной торговли и инвестиций.

Параллельно идёт развитие цифровых решений, в том числе на базе проектов цифровых валют центральных банков. Такие проекты рассматриваются как возможность построить новую архитектуру трансграничных платежей и расчётов, менее уязвимую к политическим шокам и технологическим блокировкам. В перспективе подобные системы могут стать основой для формирования самостоятельных региональных финансовых контуров.

Однако региональная фрагментация платёжного пространства имеет и обратную сторону. Увеличение числа разнородных систем затрудняет взаимодействие между ними, повышает технические и регуляторные издержки, усложняет мониторинг рисков. Финансовые институты вынуждены адаптироваться к множеству стандартов, интерфейсов и правовых режимов. Это ведёт к росту операционной сложности и может в критический момент помешать быстрой и скоординированной реакции на кризис.

Последствия геоэкономического раскола для глобальной финансовой стабильности

Суммарный эффект геоэкономического раскола проявляется в целой серии вызовов для мировой финансовой стабильности. Во-первых, нарушается прежняя логика распределения капитала, основанная в большей степени на экономических критериях. Политические факторы начинают играть определяющую роль в выборе направлений

инвестирования, что снижает общую эффективность использования ресурсов.

Во-вторых, фрагментация платёжных каналов подрывает целостность глобального финансового пространства. Ликвидность концентрируется в отдельных “зонах доверия”, тогда как остальные сегменты сталкиваются с дефицитом финансирования и повышенной волатильностью. Любой конфликт или санкционный эпизод в такой среде рискует быстро перерасти из локальной турбулентности в масштабный кризис доверия.

В-третьих, усложняется работа международных институтов, призванных обеспечивать стабильность. Координация политики становится труднее, когда ключевые участники системы расходятся не только во взглядах на экономические приоритеты, но и в базовых подходах к устройству мировой финансовой архитектуры.

В итоге геополитический вызов проявляется не столько в частоте отдельных потрясений, сколько в изменении самой природы риска: он становится многослойным, политически нагруженным и труднее прогнозируемым.

2. Долговой вызов: рост пирамиды суверенных и частных обязательств

Долговой фактор — один из наиболее заметных и измеримых вызовов глобальной финансовой стабильности. За последние десятилетия совокупные обязательства государств, корпораций и домохозяйств стабильно росли быстрее, чем реальный сектор экономики. Сформировалась масштабная долговая пирамида, которая поддерживает текущий уровень экономической активности, но одновременно делает систему чувствительной к любому изменению финансовых условий.

Долг используется для финансирования бюджетных дефицитов, крупных инфраструктурных проектов, корпоративных инвестиций и потребления. В благоприятные периоды доступность дешёвых заимствований стимулирует рост, однако со временем накапливает скрытую уязвимость: обслуживать увеличивающийся объём обязательств становится всё сложнее при замедлении экономики или повышении процентных ставок.

Глобальная динамика государственного и корпоративного долга

Государственный долг во многих странах вырос вследствие нескольких крупных волн шоков и ответных мер. Финансовые кризисы, рецессии, эпидемии, программы поддержки банков и населения, инвестиции в инфраструктуру и оборону — всё это потребовало масштабного привлечения ресурсов. В результате для целого ряда государств долговая нагрузка приблизилась или превысила исторические ориентиры, которые ранее считались “пороговыми”.

Корпоративный сектор, в свою очередь, активно пользовался длинным периодом низких процентных ставок. Компании увеличивали заимствования для финансирования слияний и поглощений, обратного выкупа акций, расширения производства. В развивающихся экономиках значительная часть корпоративного долга номинирована в иностранной валюте, что добавляет валютный риск: при ослаблении национальной валюты бремя обслуживания такого долга резко возрастает.

В некоторых юрисдикциях к этому добавляется проблема “зомби-компаний” — предприятий, существование которых поддерживается за счёт постоянного рефинансирования и льготных условий, но чья собственная доходность недостаточна для устойчивого обслуживания

обязательств. Накопление таких субъектов снижает общую эффективность экономики и повышает системную уязвимость.

Ужесточение финансовых условий и рост стоимости заимствований

Вторая половина 2010-х и начало 2020-х годов ознаменовались разворотом денежно-кредитных циклов во многих странах. Борьба с высокой инфляцией потребовала резкого ужесточения монетарной политики: процентные ставки выросли с исторически низких уровней до значений, к которым ни государства, ни частный сектор давно не привыкли.

Рост стоимости заимствований немедленно отразился на структуре бюджетных расходов. Обслуживание долга стало занимать всё большую долю государственных доходов, вытесняя долгосрочные инвестиционные программы и социальные инициативы. Для некоторых стран это означает выбор между повышением налогов, сокращением расходов или новыми заимствованиями, что создаёт политически и социально сложную конфигурацию.

Корпоративный сектор также столкнулся с повышением нагрузки. Компании, которые строили свою финансовую стратегию на предположении о длительном сохранении дешёвого кредита, оказались в ситуации, когда рефинансирование становится дороже и труднее. Особенно уязвимы отрасли с длительным инвестиционным циклом и высокой капиталоёмкостью, а также фирмы с низким уровнем накопленной прибыли.

Ужесточение условий кредитования приводит к росту числа дефолтов и реструктуризаций, ухудшению качества банковских портфелей и повышению рисков для инвесторов. На рынках наблюдается

пересмотр премии за риск, перераспределение портфелей в пользу более надёжных активов и сокращение финансирования периферийных и высокорискованных сегментов.

Долговая уязвимость развивающихся стран и риск каскадных кризисов

Наиболее остро долговой вызов проявляется в развивающихся экономиках. Многие из них зависят от внешнего финансирования, экспорта сырья или ограниченного набора товаров, подвержены колебаниям мировых цен и настроений инвесторов. Рост глобальных ставок и ужесточение финансовых условий автоматически повышают стоимость обслуживания их долга, нередко номинированного в иностранной валюте.

Сочетание нескольких факторов — слабого институционального качества, узкой налоговой базы, зависимости от импорта критических товаров и волатильности валютного курса — создаёт почву для кризисов платёжного баланса и дефолтов по суверенным обязательствам. Даже если такой кризис носит локальный характер, он способен вызвать цепную реакцию: инвесторы снижают экспозицию на весь регион или группу стран с похожими характеристиками, банки ужесточают требования к заёмщикам, страховые и гарантийные механизмы испытывают дефицит ресурсов.

Таким образом, долговая уязвимость развивающихся стран трансформируется в глобальный риск через каналы доверия, ожиданий и финансовых связей. В условиях высокой взаимозависимости рынков даже относительно небольшие по объёму экономики способны выступить “спусковым крючком” для более масштабной коррекции.

Возможные механизмы предотвращения долговых потрясений

Ответ на долговой вызов требует сочетания национальных и международных усилий. На национальном уровне речь идёт о формировании более реалистичной бюджетной политики, укреплении налоговой базы, повышении эффективности расходов, развитии локальных рынков капитала. Важную роль играют прозрачность долговой позиции, качество статистики и предсказуемость макроэкономической стратегии.

На международном уровне ключевым остаётся вопрос коллективных механизмов реструктуризации долгов, особенно для стран с ограниченным доступом к рынкам. Чем более упорядоченными и предсказуемыми являются процедуры работы с проблемными обязательствами, тем ниже риск неконтролируемых кризисов. Дополнительное значение приобретают инструменты страхования от валютных и процентных рисков, а также соглашения о свопах и линиях ликвидности между центральными банками.

При этом важно понимать, что долговая устойчивость не может быть обеспечена исключительно финансовыми инструментами. Она тесно связана с качеством институтов, структурой экономики, уровнем доверия к власти и перспективами роста. Без прогресса в этих областях любые временные меры по облегчению долгового бремени лишь откладывают проблему, не устраняя её корневых причин.

3. Климатический вызов: финансирование перехода и устойчивость финансовой системы

Климатический вызов вывел мировую финансовую систему на новый уровень ответственности. Если раньше экологические вопросы воспринимались как отдельное направление политики, то сегодня становится очевидно, что скорость и характер энергетического и

технологического перехода будут напрямую влиять на устойчивость банков, страховых компаний, фондовых рынков и государственных финансов.

Климатические риски условно делят на физические и переходные. Первые связаны с прямыми последствиями климатических изменений — экстремальными погодными явлениями, засухами, наводнениями, повышением уровня моря. Вторые относятся к рискам, возникающим в результате смены технологических укладов, регуляторных режимов и поведения потребителей. Оба типа рисков имеют ярко выраженное финансовое измерение.

Климатические риски как фактор системной финансовой нестабильности

Физические климатические риски воздействуют на стоимость активов, качество залогов и способность заёмщиков обслуживать обязательства. Страдает недвижимость и инфраструктура в зонах высокого риска, сельское хозяйство в регионах с изменяющимся водным режимом, страховой сектор, покрывающий возрастающие убытки от стихийных бедствий. Для банков это означает рост неплатежей, снижение стоимости обеспечения и ухудшение качества кредитных портфелей.

Переходные риски проявляются через ускоренную обесценку активов, связанных с высокоуглеродными моделями производства и потребления. Компании, не успевающие адаптироваться к новым стандартам, теряют конкурентоспособность; их ценные бумаги и долговые инструменты попадают в “зону риска” для инвесторов и финансовых институтов. Это создаёт угрозу появления так называемых “застревающих активов” — объектов, которые формально ещё функционируют, но их экономический горизонт резко сокращается.

В совокупности климатические риски могут выступать триггером для более широких финансовых потрясений. Резкое изменение цен на энергоресурсы, неравномерное распределение климатических потерь между странами и секторами, конфликты вокруг ресурсоёмких технологий — всё это способно вызвать перераспределение капитала и доверия, оказывая давление на международные финансовые рынки.

Климатические стресс-тесты для банков и финансовых институтов

Ответом на усиление климатической повестки стало развитие инструментов оценки климатических рисков в финансовом секторе. Центральные банки и надзорные органы всё активнее внедряют в практику климатические стресс-тесты — сценарные анализы, моделирующие последствия различных траекторий изменения климата и перехода к низкоуглеродной экономике для банковских балансов и портфелей инвесторов.

Подобные тесты требуют от институтов не только количественных оценок потерь в кризисных сценариях, но и переосмысления стратегий кредитования и инвестирования. Банкам необходимо учитывать географическое распределение рисков, отраслевую структуру клиентов, степень зависимости заёмщиков от углеродоёмких технологий, возможность адаптации бизнес-моделей к новым условиям.

Климатические стресс-тесты выполняют сразу несколько функций. С одной стороны, они помогают регуляторам оценить системную уязвимость и при необходимости скорректировать нормативные требования. С другой — стимулируют финансовые институты к более активному управлению рисками, к внедрению внутренних лимитов и учету климатического фактора при принятии решений. Наконец, они

формируют информационную базу для инвесторов и общества, повышая прозрачность и подотчётность.

Роль углеродных рынков и трансграничных механизмов регулирования

Одним из ключевых инструментов климатической политики стали углеродные рынки, позволяющие устанавливать цену на выбросы парниковых газов. Для финансовой системы это создаёт новый класс активов и обязательств, связанный с торговлей квотами, сертификатами и производными инструментами, опирающимися на углеродную стоимость.

Наличие цены на углерод стимулирует компании к модернизации производств, внедрению энергоэффективных и низкоуглеродных технологий. Вместе с тем оно повышает важность предсказуемости регуляторной среды: резкие изменения правил торговли квотами или требований к отчётности могут привести к существенной переоценке активов и долгов.

Особое значение приобретают трансграничные механизмы регулирования, такие как корректировки на углерод содержании импортируемой продукции. Они влияют на конкурентоспособность экспортеров, структуру международной торговли и инвестиционные решения. Для финансового сектора это означает необходимость учитывать углеродный след не только внутренних, но и внешних клиентов, а также потенциальные риски для отраслей, ориентированных на экспорт в юрисдикции с жёсткими климатическими стандартами.

Финансирование энергетического перехода: масштабы, барьеры, перспективы

Энергетический переход требует колоссальных инвестиций в инфраструктуру, технологии, научные разработки и модернизацию существующих мощностей. Финансовая система призвана стать каналом мобилизации этих ресурсов, перераспределяя капитал от устаревающих моделей к новым решениям.

Однако на практике финансирование перехода сталкивается с целым рядом барьеров. Инвестиции в низкоуглеродные технологии часто связаны с длинным горизонтом окупаемости, технологической неопределённостью и регуляторными рисками. Не всегда ясно, какие технологические решения окажутся доминирующими через 10–20 лет, как именно будут эволюционировать стандарты и требования.

Для снижения этих барьеров требуются согласованные усилия государства, частного сектора и международных институтов. Речь идёт о создании стимулирующих механизмов, гарантийных инструментов, “зелёных” облигаций и кредитных линий, поддержке исследований и инноваций. При этом важно, чтобы климатическая повестка не воспринималась как внешнее требование, а интегрировалась в общий контекст устойчивого развития, учитывая социальные и региональные аспекты.

Если финансовая система сможет эффективно поддерживать энергетический переход, она не только снизит долгосрочные климатические риски, но и откроет новые источники устойчивого роста. В противном случае климатический вызов останется одним из ключевых факторов системной нестабильности.

4. Технологический вызов: цифровые валюты, криптоактивы и киберугрозы

Технологическая трансформация кардинально меняет способы создания, обращения и хранения стоимости. Цифровые платформы, распределённые реестры, алгоритмическая торговля, финтех-решения и новые формы денег одновременно расширяют возможности финансовой системы и порождают принципиально новые риски.

Наиболее заметными направлениями стали развитие цифровых валют центральных банков (CBDC), распространение криптоактивов и рост киберугроз. Эти явления затрагивают фундаментальные основы денежного обращения, платёжной инфраструктуры и финансовой стабильности.

CBDC как новый элемент глобальной финансовой архитектуры

Идея цифровых валют центральных банков связана с попыткой адаптировать деньги к реалиям цифровой экономики. CBDC призваны сочетать надёжность и статус официальной валюты с удобством и функциональностью современных платёжных технологий. Они могут выпускаться в виде розничных инструментов, доступных конечным пользователям, или оптовых, предназначенных для расчётов между финансовыми институтами.

Введение CBDC потенциально оказывает глубокое влияние на банковскую систему. Если граждане и компании получают возможность хранить средства непосредственно в цифровой форме у центрального банка, это меняет модель фондирования коммерческих банков и их роль в передаче ликвидности. В периоды стрессов цифровая валюта может облегчить “бегство в качество”, ускоряя переток средств из частного сектора в центр.

С другой стороны, CBDC открывают новые возможности для повышения эффективности и прозрачности платёжных систем, снижения издержек, ускорения трансграничных расчётов. Они могут стать основой для многосторонних платформ, позволяющих государствам проводить расчёты в национальных валютах без посредничества традиционных инфраструктур.

Таким образом, CBDC одновременно являются источником инноваций и вызовом для существующих моделей финансового посредничества.

Криптоактивы и децентрализованные финансовые системы

Криптоактивы возникли как альтернативная форма цифровой стоимости, основанная на принципах децентрализации и криптографической защиты. Со временем вокруг них сформировалась сложная экосистема: биржи, кошельки, платёжные сервисы, децентрализованные финансовые (DeFi) платформы, токенизированные активы.

С точки зрения глобальной финансовой стабильности криптоактивы несут двойственный характер. С одной стороны, их волатильность и ограниченная, по сравнению с традиционными рынками, глубина пока сдерживают системное значение. С другой — рост связей между криптосферой и традиционным финансовым сектором (через инвесторов, банки, платёжные провайдеры) создаёт каналы потенциальной передачи шоков.

Наряду с этим возникают вопросы защиты прав потребителей, противодействия отмыванию доходов и финансированию незаконной деятельности, прозрачности операций и качества управленческих решений в децентрализованных протоколах. Любой крупный сбой,

мошенничество или обвал на этом рынке способен подорвать доверие к более широкому кругу цифровых финансовых решений.

Рост киберрисков и угроза финансовой инфраструктуре

Цифровизация финансов увеличивает зависимость системы от информационных технологий и, как следствие, подверженность киберугрозам. Банки, платёжные системы, биржи, клиринговые палаты, поставщики данных — все они становятся потенциальными целями атак.

Киберриски отличаются от традиционных финансовых тем, что могут реализовываться внезапно, с высокой скоростью и в масштабах, затрагивающих сразу множество участников. Успешная атака на крупный банк или платёжный процессинг чревата нарушением расчётов, утечкой данных, потерей доверия клиентов. В случае одновременных или цепных атак на несколько элементов инфраструктуры может возникнуть реальная угроза системной нестабильности.

Ответом на этот вызов становятся инвестиции в кибербезопасность, развитие стандартов защиты, обмен информацией о инцидентах, формирование специализированных подразделений в структурах надзора и центральных банках. Тем не менее, учитывая динамичный характер угроз, поддержание устойчивости требует постоянного обновления подходов и технологий.

Регуляторные подходы к снижению технологических рисков

Регулирование технологических инноваций в финансах — сложная задача, требующая баланса между стимулированием развития и ограничением рисков. Чрезмерно жёсткий надзор может задушить инновации и лишить систему потенциальных выгод, тогда как слишком мягкий подход создаёт почву для накапливания уязвимостей.

Одной из ключевых тенденций становится переход к более принципиально ориентированному регулированию, когда внимание уделяется не только форме инструмента, но и его функциям и рисковому профилю. Такой подход применяется к криптоактивам, платформам DeFi, финтех-стартапам и новым моделям платёжных услуг.

Международная координация в этой сфере крайне важна. Финансовые технологии по своей природе трансграничны, и разрыв в стандартах регулирования между юрисдикциями способен стимулировать арбитраж, перемещение рисков и появление “теневых зон”. Совместная работа по выработке базовых принципов регулирования и обмен опытом помогают снижать системные угрозы, сохраняя при этом пространство для инноваций.

5. Социальный вызов: неравенство, кризис легитимности и экономический популизм

Социальный измерение — ещё один крупный мегатренд, влияющий на финансовую стабильность. Рост неравенства, ощущение несправедливости распределения благ, разочарование в институтах и традиционных формах политики формируют фон, на котором принимаются экономические решения. Даже при формально стабильных макроиндикаторах общественное недовольство может приводить к резким политическим поворотам, затрагивающим финансовую систему.

Социально-экономическое неравенство как фактор финансовой нестабильности

Усиление имущественного и доходного неравенства воспринимается многими обществами как свидетельство того, что плоды глобализации и финансового развития распределяются крайне неравномерно. Концентрация богатства в руках ограниченного круга лиц

сочетается с застойными доходами и ростом уязвимости для широких слоёв населения.

С точки зрения финансовой системы это выражается в нескольких аспектах. Во-первых, повышается чувствительность домохозяйств к шокам доходов: потеря работы или рост цен на базовые товары быстрее приводит к неплатёжам по кредитам, снижению потребления и росту социальной напряжённости. Во-вторых, чресчур высокий уровень неравенства подтачивает доверие к институтам, в том числе к финансовым, которые ассоциируются с “закрытым клубом”.

Кроме того, неравенство сдерживает внутренний спрос, затрудняя устойчивый экономический рост и тем самым усложняя обслуживание накопленного долга. В долгосрочной перспективе это подрывает базу для стабильной работы финансовой системы.

Снижение доверия к экономической политике и финансовым институтам

Кризисы последних десятилетий привели к ощущению, что значительная часть рисков и потерь перекладывается на рядовых граждан, тогда как финансовый сектор и крупный бизнес получают поддержку государств. Это подкрепляет восприятие “двойных стандартов” и подрывает легитимность решений, принимаемых властями.

Снижение доверия проявляется в готовности населения поддерживать радикальные программы, обещающие быстрые и простые решения сложных проблем. В экономической политике это может выражаться в требованиях к масштабным субсидиям, жёсткому контролю цен, протекционизме, не всегда совместимых с долгосрочной устойчивостью. Финансовые институты в такой среде сталкиваются с риском усиления политического вмешательства, непредсказуемого

изменения правил и всплесков негативного отношения со стороны общества.

Для стабильности финансовой системы критически важно, чтобы её деятельность воспринималась как полезная и справедливая. Прозрачность, ответственность, защита прав потребителей, доступность базовых услуг — необходимые условия поддержания доверия.

Рост популизма и его влияние на макроэкономическую устойчивость

Популистские движения, опирающиеся на недовольство неравенством и недоверием к элитам, всё чаще формируют повестку экономических решений. Их программы нередко включают элементы, которые в краткосрочной перспективе могут снижать социальное напряжение, но в долгосрочной — увеличивают фискальные и финансовые риски.

Речь идёт, например, о резком расширении социальных обязательств без адекватного ресурсного покрытия, вмешательстве в ценообразование, подрыве независимости центральных банков, ослаблении институциональных ограничений на дефицит и долг. Для финансовых рынков это означает рост неопределённости, повышение премий за риск, возможные оттоки капитала и давление на курсы валют.

Чем слабее институциональные “предохранители”, тем выше вероятность того, что популистские меры приведут к ухудшению макроэкономической устойчивости и спровоцируют очередной цикл кризисов, который вновь усилит социальное недовольство — замыкая порочный круг.

Социальная устойчивость как элемент глобальной финансовой стабильности

Социальная устойчивость становится неотъемлемой частью общей концепции финансовой стабильности. Это означает, что оценка рисков должна включать не только показатели ликвидности, капитала и долга, но и более широкий контекст: качество занятости, доступ к базовым услугам, степень социальной защищённости, доверие к институтам.

Если экономический рост не воспринимается как инклюзивный, а финансовый сектор — как служащий интересам общества, то любые усилия по укреплению стабильности рискуют оставаться хрупкими. Социальные потрясения, массовые протесты, политические кризисы способны быстро трансформироваться в финансовые шоки, затрагивающие банки, рынки и государства.

Поэтому долгосрочная устойчивость мировой финансовой системы предполагает не только техническое совершенствование регуляторных режимов, но и внимание к вопросам справедливости, возможностей и доверия. Без этого “социальный фундамент” архитектуры останется ослабленным.

Заключение

Современная мировая финансовая система живёт в условиях постоянного испытания на прочность. Геополитическая фрагментация, долговая перегруженность, климатические риски, технологические трансформации и социальные напряжения образуют сложный клубок взаимосвязанных вызовов. Каждый из них по отдельности способен стать источником серьёзных потрясений; вместе они формируют среду, которую всё чаще описывают как “идеальную бурю” для глобальной финансовой стабильности.

Ключевой вывод состоит в том, что эти вызовы нельзя рассматривать изолированно. Геополитические решения влияют на

долговую динамику, климатическая политика — на структуру инвестиций и долгов, технологические инновации — на характер платёжных систем и киберрисков, социальные настроения — на легитимность экономической политики и готовность обществ поддерживать сложные, но необходимые реформы. Любая попытка реагировать только на один из элементов, игнорируя остальные, лишь переносит проблему в другую плоскость.

Способна ли существующая система управлять этой совокупностью рисков? Ответ не может быть ни однозначно утвердительным, ни категорически отрицательным. С одной стороны, за последние десятилетия были созданы мощные инструменты мониторинга, надзора и координации: от стресс-тестов и макропруденциальной политики до механизмов международной ликвидности и реструктуризации долгов. С другой стороны, многие из этих инструментов разрабатывались в эпоху, когда природа риска была иной — менее политизированной, менее климатически и технологически нагруженной, менее социальной в своей основе.

Чтобы повысить шансы на успешное прохождение через текущий период турбулентности, необходим комплексный подход. Он предполагает:

- развитие многосторонних форматов сотрудничества, способных преодолевать фрагментацию;
- модернизацию регуляторных режимов с учётом климатических, технологических и социальных факторов;
- укрепление институциональной среды и независимости ключевых экономических институтов;

- формирование такой модели финансового развития, в которой выгоды будут ощущаться широкими слоями общества.

В конечном счёте устойчивость мировой финансовой системы зависит не только от того, насколько тщательно выстроены её механизмы, но и от того, насколько согласованными и ответственными будут решения государств, компаний и обществ. Именно от их способности видеть в текущих вызовах не только угрозу, но и шанс для обновления архитектуры сотрудничества будет зависеть, превратится ли современный период в ряд затяжных кризисов или станет отправной точкой для нового, более устойчивого этапа глобального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванов А.А.** Глобальная финансовая стабильность в условиях геополитической фрагментации. Москва: Финансы и Кредит, **2022**.
2. **Miller, J.** Global Financial Stability in an Era of Multipolar Risks. London: Routledge, **2022**.
3. **Jo‘rayev B.** Jahon moliyaviy tizimida yangi chaqiriqlar va barqarorlik strategiyalari. Toshkent: Iqtisodiyot Universiteti nashriyoti, **2022**.
4. **Dupont, L.** Geopolitical Fragmentation and the Transformation of Global Finance. Paris: Éditions Universitaires (English edition), **2021**.
5. **Петрова Е.В.** Современные долговые риски и устойчивость национальных экономик. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, **2021**.
6. **Harrison, P.** Sovereign Debt Dynamics and Systemic Vulnerabilities. New York: Oxford University Press, **2021**.
7. **Moreau, C.** Climate Transition and Financial Market Adaptation. Lyon: Presses Académiques (English translation), **2022**.

8. **Furqat o'gli, Rashidov Asilbek**. "TO 'LOV BALANSI VA VALYUTA KURSINING O 'ZGARISHI." Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi 55.1 (**2025**): 207-216.

9. **Clark, E.** Digital Currencies, Cyber Risks, and the Future of Financial Systems. Cambridge: Cambridge University Press, **2023**.

10. **Кузнецов М.С.** Климатические вызовы и финансовые рынки: адаптация и регулирование. Новосибирск: Сибирское научное издательство, **2023**.

11. **Fontaine, M.** Social Inequality and Financial Stability: A Multidimensional Approach. Paris: Institut d'Économie Politique (English edition), **2023**.

12. **Sodiqov H.** Energetik o'tish va moliyaviy bozorlar: O'zbekiston tajribasi. Toshkent: Innovatsiya, **2021**.

13. **Zulfakarova, L. F., Vakhitova, T. M., Gadelshina, L. A., & Garifova, L. F.** (**2018**, August). Current trends of investment climate impact on economic growth. In International conference" Economy in the modern world"(ICEMW 2018) (pp. 388-392). Atlantis Press.

14. **Girard, A.** Digital Innovation, Monetary Systems, and Global Risks. Marseille: Horizon Économique (English edition), **2022**.

15. **Лебедева И.Н.** Социальное неравенство и его влияние на макроэкономическую устойчивость. Москва: Наука, **2020**.

16. **Федоров В.П.** Системные риски XXI века: междисциплинарный подход. Екатеринбург: Уральское издательство, **2023**.